
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.19

Правильная ссылка на статью:

Трофимов С. В. Увлекательное путешествие по социологии религии. Рец. на кн.: Островская Е. А. Социология религии: введение. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2018. 320 с. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 378—386. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.19>.

For citation:

Trophimov S. V. (2019) An exciting journey into the Sociology of Religion. Book review on “Sociology of Religion: An Introduction” by E. A. Ostrovskaya. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 378—386. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.19>.

С. В. Трофимов

**УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ.
РЕЦ. НА КН.: ОСТРОВСКАЯ Е. А. СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ: ВВЕДЕНИЕ.
СПБ. : ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ, 2018. 320 С.**

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ. РЕЦ. НА КН.: ОСТРОВСКАЯ Е. А. СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ: ВВЕДЕНИЕ. СПБ. : ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ, 2018. 320 С.

AN EXCITING JOURNEY INTO THE SOCIOLOGY OF RELIGION. BOOK REVIEW ON “SOCIOLOGY OF RELIGION: AN INTRODUCTION” BY E.A. OSTROVSKAYA

ТРОФИМОВ Сергей Викторович — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломносова, Москва, Россия
E-MAIL: troph@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7362-703X>

*Sergei V. TROPHIMOV*¹ — Cand. Sci. (Soc. Sci.), Associate Professor, Chair of Modern Sociology, Faculty of Sociology
E-MAIL: troph@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7362-703X>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Аннотация. Рецензия знакомит читателя с новой книгой известного российского социолога Е. А. Островской «Социология религии: введение», вышедшей в свет в 2018 г. в издательстве «Петербургское востоковедение». Книга подробно и увлекательно описывает основные классические и современные концепции религии, принятые в социологии, каким образом социологические методы позволяют исследовать проявления религии в повседневной жизни, как устроены религиозные организации и как религия трансформируется в медиапространстве. Книга предназначена для широкого читателя, а уровень изложения и полнота освещаемого материала удовлетворят самого искушенного читателя.

Ключевые слова: социология религии, религиозность, религиозные организации, социологические исследования

Abstract. The review introduces the readers to the new book by the well-known Russian sociologist Elena Ostrovskaya “Sociology of Religion: An Introduction” published in 2018 by the St Petersburg Oriental Studies Publishing House. The book provides a fascinating and detailed overview of the main classical and contemporary concepts of religion applied in sociology. It explains how sociological methods help explore manifestations of religion in everyday life, how religious organizations function and how religion is evolving in media space. The book is intended for a wide audience and can satisfy even the most sophisticated reader.

Keywords: sociology of Religion, religiosity, religious organizations, sociological research, sociology of religion

Новая книга известного российского социолога Е. А. Островской «Социология религии: введение», вышедшая в свет в 2018 г. в издательстве «Петербургское востоковедение», уникальна по многим показателям. Прежде всего, это научно-популярная книга, изложенная доступным, хотя и академическим языком, она содержит материал, который обычно обсуждается в рамках учебников и учебных пособий. Это относится и к охвату первоисточников, и к точности и доскональности изложения.

Автор определяет замысел книги как удивительное путешествие по социологии религии — науке, «способной показать, как и что устроено в самых потаенных уголках человеческого мира», и «реально помогающей понимать сложные и крупные проблемы современности» [Островская, 2018: 9]. Можно с уверенностью сказать, что этот амбициозный проект был осуществлен, причем автору удалось соблюсти тонкий баланс между точным изложением основополагающих первоисточников с увлекательным и нескучным описанием причудливой истории нашей науки. В тексте ощущается богатый опыт эмпирических исследований, который позволяет автору в одном абзаце объяснить сложный теоретический вывод, привести пример из исследования в синагоге или дацане, доходчиво связать эти тезисы и вернуться к анализу сложного теоретического вопроса. Этот скачок «с небес на землю и обратно» читается легко и естественно.

Книга Е. А. Островской воспринимается как беседа автора с читателем. Поэтому фразы, подобные «Едва ли Вебер и Трёльч планировали обронзоветь и перекрыть своими бюстами дорогу всему новому» [Островская, 2018: 137], предстают во всех красках яркого лекционного образа, обрушивающегося на внимательного студента. Можно заметить, что текст полон юмора и неожиданностей. Уверен, что многим читателям запомнится заголовок «Религиозность улыбается и машет» [Островская, 2018: 97]. Вместе с тем обсуждение самого определения религиозности, возможностей его социологического изучения остается предельно точным, но крайне увлекательным, а иногда и драматическим.

Наконец, религия в работе представлена не в некоем абстрактном и идеализированном теоретическом описании — «как должно быть», а «как оно есть в реальности». Именно так социология может и должна изучать религиозный феномен, задавая вопрос не о богословски правильном описании религиозного знания, а о мотивациях, потребностях и взаимодействиях людей, которых в повседневной жизни касаются вопросы веры.

Социолог не располагает инструментарием, способным априори разделить религиозные организации на «традиционные» и «нетрадиционные», так как по отношению к принципам построения одной религии или конфессии другие чаще всего будут выступать как «нетрадиционные». Временами этот момент вызывает ожесточенные споры на конференциях, где собираются не только социологи, но и представители верующих, педагоги и даже религиоведы. Сталкиваются две позиции: одна — идеальная, связанная с откровением, богословским учением и догматами, в определенном роде недостижимая — то, как верующий представляет свою религию; другая позиция — «вести с полей», результат эмпирического исследования — опроса, наблюдения, интервью, непредвзятая, отражающая социальную реальность, но зачастую кажущаяся верующему карикатурной и, к сожалению, даже оскорбительной.

Другой тенденцией является претенциозное противопоставление «настоящих» верующих, которые существовали в некоторый исторический момент (например, соблюдающие евреи в местечке на рубеже XIX и XX веков, дореформенные католики) и соответствуют принятым в академической науке историческим взглядам, и «неправильных» современных верующих, стремящихся не просто приспособиться в светском мире, но осваивающих транснациональную и глобальную реальность. Социологу рекомендуют забросить попытки «найти религию самому» и советуют обратиться к историческим фолиантам, «где уже все до вас описано».

И здесь необходима терпеливая работа по популяризации социологии религии — задача, которую удачно выполняет рецензируемая книга Е. А. Островской, объясняющая возможности социологического исследования, подходы социолога и смысл получаемого им результата.

Относительно краткий, но очень важный раздел книги, посвященный предмету социологии религии, подчеркивает очевидный факт, который почему-то постоянно забывается критиками социологии: методы нашей науки позволяют изучать религию только в рамках повседневного опыта взаимодействия верующих, специфических для нее организаций. Социология может изучать только эмпирическую данность, должна быть нейтральной относительно осмысления религии как

психологического переживания или трансцендентного явления. Вместе с тем изложенные в книге размышления социолога-практика могут побудить к переосмыслению теоретического наследия и, почему нет, новым наработкам в этой области. Изучение разнообразия религиозного феномена позволит преодолеть сложившееся за XX век фокусирование социологического изучения религии на христианских организациях и проблемах секуляризации.

Высказанное ограничение не отрицает компетентности социолога в изучении вероучительных текстов, в которых разъясняется понимание и наполнение веры в данной религии, но социология лишь делает первые шаги в анализе концепта веры, разработке адекватного инструментария для эмпирических исследований.

Е. А. Островская отмечает важность изучения религиозного феномена доступными социологическими методами: «как взаимодействия лицом к лицу, как [...] организаций, как коммуникаций/идеологий» [Островская, 2018: 12]. В этом социология религии мало чем отличается от других отраслевых дисциплин, определение предмета социологии религии исключительно социологично и опирается на социологические методы и теории. С одной стороны, это позволяет охватить интерактивный, организационный и коммуникативный уровни религиозной подсистемы общества, с другой — накладывает значительные ограничения на привлечение других аспектов, связанных с религией — откровения, доктрины и т. д. Тем самым автор указывает на важность изучения повседневного опыта религиозного феномена и подчеркивает нейтральность социологии религии относительно трансцендентности религии. «Социологи не отрицают и не подтверждают реальности/отсутствия таковой (мистической трансцендентной реальности). Это уже не в их компетенции» [Островская, 2018: 13].

Автору представляется необходимым сначала разобраться с тезисами и концепциями классических концепций для того, чтобы установить новизну вклада современных теоретиков. Свежи и основательны прочтения Е. А. Островской теорий религии К. Маркса, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и Р. Белла. Автор разрушает сложившиеся стереотипы, подсказывает правильные направления для дальнейшего изучения социологии религии. Важно, что автор использует оригинальные тексты, поскольку пересказы материала из учебника в учебник, в том числе в переводах зарубежных статей и монографий, приводят к эффекту «испорченного телефона», в результате чего некоторые детали теории искажаются. В книге Е. А. Островской мы обнаруживаем не один эпизод, уточняющий, если не исправляющий привычное понимание теорий.

Этот подход встречается, например, при изложении теории К. Маркса и Ф. Энгельса, в желании отойти от редуционистской трактовки их вклада в социологию религии, отбросить превратившиеся в мемы и штампы «крылатые выражения», на самом деле не принадлежащие этим авторам, обратиться к первоисточникам. И это гораздо интереснее, чем представляется первоначально. Разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом концепция религии оказывается гармоничной частью их теории общества в целом. Полезен и важен разбор Е. А. Островской основных версий понимания марксистской теории от «школьного марксизма» до пафоса представителей франкфуртской школы, которые скорее запутывают понимание этого классического подхода к пониманию религии в об-

ществе. Популярность теории сыграла с ней злую шутку: собственные версии и пересказы многократно исказили ее, поэтому для понимания роли религии в обществе необходимо вернуться к оригинальной версии.

Разрушает сложившиеся стереотипы Е. А. Островская и относительно М. Вебера, предстающего в учебниках по социологии основоположником социологии религии, причем часто упускается вклад таких его современников, как Г. Зиммель и В. Зомбарт, которые в свое время пользовались даже большей славой и популярностью, чем М. Вебер. Е. А. Островская считает, что «лидерство» в социологии религии М. Веберу обеспечили его «социологическая реконструкция» [Островская, 2018: 33] смыслов социальной деятельности и разработанный им концептуальный инструментарий понимающей социологии. Также М. Веберу автор отдает пальму первенства в определении центрального вопроса социологии религии: «каким образом религия, постулирующая свою реальность и цели за гранью повседневного опыта, отрицающая и критикующая мир, совершенно отчетливо обнаруживает свойственные ей социальные, политическое и экономическое измерения и своим социокультурным развитием и закреплением способствует стабилизации общества» [Островская, 2018: 13]. Кстати, в тексте доступным языком обсуждается специфика подхода каждого из авторов ставшей хрестоматийной дихотомии «церковь — секта» М. Вебера и Э. Трёлча.

Новые концепции религии также рассматриваются довольно оригинально. Выбор концепций Т. Лукмана и Н. Лумана и достаточно подробный анализ системно-функциональной концепции Н. Лумана Е. А. Островская мотивирует долгосрочностью наблюдений за социологическими обсуждениями религии как системы общества: в большинстве случаев более поздние теоретики так или иначе присоединяют свои тезисы к лумановской или к лукмановской концепции [Островская, 2018: 66].

Поразительным курьезом предстает история о несуществующей «невидимой религии» Т. Лукмана, появившейся в навязанном ему американским издателем названии монографии [Luckmann, 1967]. Тем не менее этот термин прижился, концепция Т. Лукмана с таким названием широко обсуждается в социологии религии, даже несмотря на его собственный скептицизм к этому названию — хотя в оригинальной монографии — «Проблема религии в современном мире» [Luckmann, 1963]. этой идеи не присутствовало. Т. Лукман отходит от изучения церковной религии и смещает акцент на эмпирическое изучение религиозности. Особым его интересом стали генезис и структура индивидуальной религиозности.

Нечто похожее происходит, например, с «цепями памяти» в переводах с английского книги Д. Эрвьё-Леже «Религия как память»: во французском тексте нет никаких цепей, но только «последовательности»¹ [cf. Hervieu-Léger, 1993]. На русском же цитируют перевод с английского [cf. Hervieu-Léger, 2000], что привело к пониманию теории французского социолога отечественными исследователями именно в версии с «цепями памяти».

¹ Hervieu-Léger D. La Religion comme mémoire, Paris, Cerf, 1993, 274 p.; английский перевод: Hervieu-Léger D. Religion as a Chain of Memory. Cambridge, 2000. 204 p., в связи с чем в российских исследованиях название чаще приводится как «Религия как цепь памяти», хотя в действительности во французском тексте речь идет скорее о «последовательности», а не о «цепи».

Обсуждает Е. А. Островская и один из самых острых вопросов современной социологии религии — вопрос о соотношении веры и религиозной принадлежности. С одной стороны, ответ на этот вопрос оказывается крайне запутанным в контексте западноевропейского секулярного общества, но с другой — социолог должен интерпретировать данные о людях, заявляющих о своей вере, но отрицающих свою принадлежность к какой-либо религиозной организации. Как соотносить веру и религиозную принадлежность? Сегодня «вера без принадлежности» появляется и в российских опросах и остается одним из насущных и острых социологических вопросов. Позиция Г. Деви, высказанная в работе «Вера без принадлежности — будущее религии в Британии?» в 1990 г. [Davie, 1990] вызвала поворот к новому пониманию возможности оставаться верующим без определенной «правильной» религиозной практики и тем более без четкой конфессиональной принадлежности. Очередная работа Г. Деви «Замещающая религия: методологический вызов» (2007) убедительно показала, что, несмотря на «избегание» европейцами храмов и, тем более, уплаты церковных налогов, они не отказываются от веры. Британская исследовательница смещает акцент с количественных методов на качественные, что приводит к новым результатам.

Отдельным направлением в изучении современных религиозных (в широком смысле) практик стало разведение понятий «духовности» и «религии», начатое К. Кэмпбеллом в 1972 г. и продолжающееся в работах исследователей, настаивающих на необходимости выделения особой дисциплины — «социологии духовности» и рассматривающих тех, кто «нерелигиозен, но духовен». Вероятно, такая перспектива перемещает острие исследований с позиции «секулярность против религии» — так же, как ранее произошел сдвиг с «науки против религии».

Важным и плодотворным представляется рассмотрение Е. А. Островской типологии религиозных организаций и отдельный подробный анализ новых религиозных движений (НРД) и культового движения. Примеры российских культов — от телевизионного А. Чумака (1989) и А. Кашпировского (1988), С. Коновалова [Островская, 2018: 153], — приводятся достаточно подробно, чтобы молодые исследователи и студенты, не заставшие описываемые события, могли получить представление о характере и размахе этих явлений.

Было бы сложно представить работу Е. А. Островской без раздела «Навстречу новым понятиям и типологиям», обращенного если не в удаленное будущее, то, по меньшей мере, обсуждающего реалии самого насущного момента, в том числе вопросы, связанные с изучением принципиально новых религиозных организаций — не вписывающихся в привычные рамки, связанные с пониманием и изучением христианских религиозных организаций.

Очень важны в книге Е. А. Островской подробные примеры из эмпирических исследований — цитаты из расшифровок интервью. Эти «картинки» позволяют понять ход анализа религиозного феномена, запутанность понимания религиозного вопроса со стороны самих носителей, приоткрывают их «кухню», на которой нет готовых рецептов: это и многолетнее исследование ортодоксальных еврейских общин на постсоветском пространстве, и изучение буддийских общин Санкт-Петербурга, и другие эмпирические исследования. Религиозный феномен не останавливается на границе конкретного общества. Е. А. Островская подтверждает многогранность

и многоликость объекта нашей дисциплины, приводя сравнение буддийских организаций в России и в Южной Корее. Такой социокультурный «спарринг» показывает одновременно неожиданно схожие, но возникшие независимо друг от друга особенности, которые необходимо учитывать при изучении религиозного феномена. Интересно, что автор выделяет также черты, заимствованные религиозными организациями из практик других религий, в том числе своих прямых конкурентов на религиозном рынке. Даже в анализе конкуренции буддизма и христианства в этих странах прослеживается четкая специфика.

Последняя глава книги «Религия в глобальном и медиапространстве идеологий» содержит уникальный материал, который обычно остается за рамками курсов социологии религии и в лучшем случае обсуждается в рамках дисциплин по выбору. Возрастающая сложность глобализационных процессов и укрепляющиеся культурные связи вынуждают социологов религии искать новую постановку исследовательской проблемы. Е. А. Островская ставит вопрос ребром: «а какой была прежняя устаревшая ее формулировка?» [Островская, 2018: 198]. Изучение христианских организаций в условиях мировоззренческого плюрализма светских западных обществ редуцировало все остальные религиозные системы к аналогиям с привычными схемами и было заведомо обречено на методологические ошибки. Однако изменения, происходящие в мире и прежде всего в западных обществах, привели к необходимости поиска нового понимания религиозной идентичности. Парадоксальная ситуация, констатируемая сегодня, противопоставляет религиозные меньшинства, а диаспоры успешно действуют в рамках светских демократий и приводят к изменениям и без того нестабильной ситуации. Понимание этих процессов должно стать одной из главных задач социологии религии, хотя наиболее важной целью мог бы быть социологический прогноз трансформаций.

Возрождение религии не может быть обращено в прошлое, в восстановление исчезнувших практик, даже во имя памяти мучеников. Невозможно реконструировать модель, успешно существовавшую в определенную историческую эпоху. Это искушение возникает как у самих верующих, пытающихся воссоздать прошлое, так и у научного сообщества, считающего эталоном религиозной организации архивные и музейные материалы.

Например, во Франции после революционного жернова XVIII века, сломавшего сложившуюся веками и имевшую многочисленные международные связи монастырскую систему, в середине XIX века обратившиеся энтузиасты выкупили старинные аббатства и пытались восстановить в них монастырскую жизнь. Так, Жан-Баптист Лакордер способствовал возрождению доминиканского ордена во Франции. Первоначально энтузиасты ориентировались на идеализированные романтические образцы средневековья, почерпнутые из исторических книг. Постепенно, лишь с возвращением из изгнания монахов, имевших опыт монашеской жизни до революции (как в цистерцианском аббатстве Ла Трапп), и с восстановлением международных связей с монастырями ордена за пределами Франции, жизнь возрождаемых монастырей смогла не «вернуться на несколько веков назад» (в неизбежном варианте «реконструкторства»), но восстановиться в современном ей моменте развития французского общества. Другой пример — попытка возрождения православных приходов и монастырей в России в 1990-е

годы, когда после советского периода верующие энтузиасты имели перед глазами лишь книжные образцы дореволюционной приходской и монашеской жизни, которые брались за образец без учета прошедших в обществе и мире перемен. Так и молодые романтики, приходящие в российские лютеранские и католические приходы, часто остаются разочарованными, обнаруживая в храмах вполне современных россиян и не находя воплощения своих фантазий и исторических мечтаний.

Е. А. Островская из своей исследовательской практики приводит примеры трансформаций в сравнении с «архивной моделью», которые вносят в свою повседневную жизнь соблюдающие евреи, и анализирует причины происходящих перемен. Нельзя не согласиться с идеей о важной роли транснациональных религиозных взаимодействий, формирующих совершенно новые принципы и практики. Утверждение автора, что «современное соблюдающее еврейство постсоветского общества — принципиально новый социокультурный феномен, не имеющий исторических прототипов» [Островская, 2018: 237], аргументируется и подтверждается результатами многолетнего эмпирического исследования, которые, кстати, наталкиваются на активное сопротивление приверженцев «методологического натурализма» от социологии. Между тем, полученный исследовательский опыт Е. А. Островской ценен для изучения реальной среды современных религиозных общин и организаций, в том числе труднодоступных.

Помимо возросшей роли транснациональных религиозных сетей и транснациональных коммуникативных сетей религиозных идеологий, которую Е. А. Островская описывает на примере тибетского буддизма и уйгурского национализма, автор уделяет внимание роли цифрового и медийного изменения социальной реальности и необходимости изучения этих аспектов в социальной системе религии. Актуальная и практически неизведанная в отечественной социологии религии область, обсуждаемая Е. А. Островской в книге, касается медиатизации религии и медиaprостранства религиозных идеологий. Основывая теоретическую базу для понимания этого вопроса прежде всего на работах международного проекта «Скандинавская исследовательская сеть по изучению медиатизации религии и культуры» и работах участников проекта Стига Хьярварда и Мии Лёвхайм², Е. А. Островская намечает основные методологические предпосылки для концептуализации исследования религии в медиасреде, а также предложенные скандинавскими исследователями типологии. Прекрасным примером подобных исследований оказывается собственное исследование Е. А. Островской, посвященное православной идеологии в артхаусном кино.

Книга, заявленная как о научно-популярное издание, достаточно полно и основательно охватывает основные разделы университетского курса «Социология религии» — от доброй классики до современных топовых вопросов, а благодаря выбранному жанру в определенной мере у автора появилась возможность расширить и углубить доступный для обсуждения материал, поделиться с читателем «секретами кухни» и позволить себе увлекательный и остроумный стиль изложения. Книга, безусловно, найдет благодарного читателя как среди коллег по цеху и сту-

² Скандинавская орфография сложно поддается русской транскрипции. Имена исследователей в оригинале звучат примерно как «Ярвэр» и «Лёвейм».

дентов социологов и религиоведов, так и среди всех интересующихся религией как социальным явлением.

PS. После прочтения книги Е. А. Островской могу сказать, что горжусь своей наукой, разделяю с автором интерес к нашей научной дисциплине, в рамках которой возможно проводить интереснейшие актуальные исследования современных процессов, протекающих в обществе, и перед которой раскрывается замечательное будущее, так как религия в обществе остается одной из интересных областей, важных для функционирования общества в целом и оставляющей простор для пытливого исследователя.

Список литературы (References)

Островская Е. А. Социология религии: введение. СПб. : Петербургское Востоковедение. 2018. 320 с.

Ostrovskaya E. A. (2018) *Sociology of Religion: Introduction*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 320 p.

Luckmann T. (1963) *Das Problem der Religion in der modernen Gesellschaft*. Freiburg im Breigau: Verlag Rombach, 83 p.

Luckmann T. (1967) *The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society*. By Thomas. New York: The Macmillan Company, 128 p.

Hervieu-Léger D. (1993) *La Religion comme mémoire*, Paris, Cerf. 274 p.

Hervieu-Leger D. (2000) *Religion as a Chain of Memory*. Cambridge. 204 p.

Davie G. (1990) *Believing without Belonging: Is This the Future of Religion in Britain?* *Social Compass*. Vol. 37. No. 4. P. 455–469.